

© 2004 г.

Б.И. ЗЕЛЕНКО

ФИНАНСОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ ГРУППЫ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

---

*ЗЕЛЕНКО Борис Иванович - кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник
Отделения общественных наук РАН.*

Известно, что крупный корпоративный капитал - не только важнейшая составная часть экономики страны, но и весьма влиятельный участник общественно-политических процессов в России. Приведем данные социологического опроса, проведенного Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (табл.). К числу групп, чье влияние на развитие России будет увеличиваться, респонденты отнесли олигархов (рост влияния втрое), банки (в четыре раза); к числу утрачивающих былое влияние - военно-промышленный комплекс, а также рабочих и крестьян. Неизменными, по мнению россиян, останутся позиции правительства. На наш взгляд, справедливость приведенных замеров экстраполируется и на ситуацию 2003 г.

Из таблицы видно: граждане России явно склоняются к тому, что в XXI в. расстановка основных социальных сил и групп в политике приобретет примерно те же очертания, какие наблюдаются в развитых странах Запада. Действительно, общие контуры политических систем обладают известным сходством. Существенные различия начинаются при сравнении содержательных параметров. Коснемся здесь только одного аспекта - политической роли финансово-промышленных групп (ФПГ).

В западных странах уже давно сложилось демократическое правовое общество, в котором есть место любым организациям и институтам, соблюдающим его законы, включая и ФП-группы, которые занимают влиятельное положение во всех странах с рыночной экономикой. Дело, однако, в том, что они принципиально отличаются от российских ФПГ. Во-первых, последние образовались в считанные годы в результате по существу нелегитимного присвоения народной собственности, тогда как в западных странах этот процесс занял столетия и в целом проходил в рамках закона. Во-вторых, в отличие от них деятельность российских ФПГ и ныне не регламентируется законодательством и в значительной, если не преобладающей, части протекает в сферах теневой экономики. Наконец, в-третьих, их политическое влияние реализуется "в тени", поскольку тесно связано с коррупцией, криминалом, незаконным лоббированием. Они скорее препятствуют, чем содействуют, развитию гражданского общества [1].

Сегодня ФПГ в известной мере определяют состояние и перспективы развития политической системы РФ в целом. Это вполне объяснимо. Как пишет исследователь этой проблемы Я.Ш. Паппз, "любой хозяйствующий субъект, если он достигает масштабов, сопоставимых с национальной экономикой, становится и субъектом политики" [2]. Причем характер взаимодействия с остальными субъектами общественно политической жизни указывает на опережающий рост влияния ФПГ. Политолог В.Т. Третьяков, например, относит их к числу основных участников политического процесса, наряду с властью, обществом, а также федеральными и региональными бюрократиями [3].

Политическое влияние большинству ФПГ необходимо для достижения ряда стратегических целей, главная из которых - преуспеть в конкурентной борьбе и за счет этого сохранить и приумножить капитал, обеспечив надежное развитие своего бизнеса. В то же время расширение экономического влияния ведет к появлению у ФПГ нового, более широкого круга политических интересов. Причем, развитие этого взаимосвязанного процесса постоянно усиливается. Непременными условиями достижения как экономических, так и политических целей является доступ к государственным ресурсам - административным, финансовым, коммуникационным и прочим. А это, в свою очередь, обеспечивается комплексом мер организационного, политического, финансового и коммуникативного взаимодействия с властью - продвижением на ответст-

**Мнения россиян о том, какие социальные силы и государственные институты
играли наиболее важную роль в жизни России в XX веке и какие должны
сыграть эту роль в XXI веке (в % от числа опрошенных)**

Социальные силы и государственные институты	в XX веке	в XXI веке
Военно-промышленный комплекс	44,9	19,6
Правительство	31,8	34,8
Крупный бизнес, связанный с властью	12,9	38,8
Банки	7,1	28,2
Мелкие и средние предприниматели	4,1	20,5
Рабочие	17,2	6,6
Крестьяне	10,1	3,5

Источник: Россия на рубеже веков. М., 2000, с. 418.

венные должности в государственных структурах выходцев из высшего управленческого звена компаний приобретением информационных активов, активизацией экспансии в субъектах РФ, формированием дееспособной команды профессионалов, способных быстро и эффективно реагировать на изменения экономической и политической ситуации, и многим другим [4].

Важным фактором, обеспечивающим ФПГ политическое влияние, являются позиции, занимаемые ими в субъектах РФ. Как правило, речь идет о контроле или владении объектами собственности. Но в некоторых случаях, с учетом высокого уровня монополизации экономики, унаследованного с советских времен, крупные компании становятся системообразующими структурами целых регионов, отвечая не только за экономическую или социальную политику, но и за функционирование систем жизнеобеспечения, региональную инфраструктуру и пр. В качестве примеров можно привести доминирующее положение, которое занимают группа Р. Абрамовича в Чукотском автономном округе, нефтяные компании ЮКОС и ЛУКОЙЛ - соответственно в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, Горно-металлургическая компания "Норильский никель" в Таймырском автономном округе. С избранием летом 2002 г. губернатором Красноярского края одного из бывших высших менеджеров "Норильского никеля". А. Хлопонина этот процесс распространился на системообразующие субъекты РФ, численность населения в которых превышает миллион человек.

Вступая в договорные отношения с местными властями, корпорации становятся активными участниками процесса формирования региональной и социально-экономической политики. Для целого ряда регионов такие соглашения имеют чрезвычайно важное, а в некоторых случаях и определяющее значение. В недавнем прошлом эти группы элиты рассматривали собственное место в системе власти и контролируемые структуры как некое подобие "вотчины" с широкой ведомственной автономией, "непрозрачными" для Центра отношениями внутри корпорации и разветвленной сетью внешних связей. Такая система все больше становится препятствием для утверждения постельцинского политического порядка. Особые трудности создают "вотчины", образованные в секторе экономики, находящемся в номинальной собственности государства, но фактически полностью контролируемые различными группами федеральной и местной элиты. По существу речь идет о "внутренних олигархиях", базирующихся на "суверенной" территории государства.

Возникла проблема модернизации элит, которая, по мнению А.Ю. Зудина, "обусловлена не только элементарными потребностями нового политического руководства (замена "чужих" на "своих"), но и более глубокими причинами, связанными с особенностями генезиса нового политического режима. Новый режим возник в результате глубоких социальных сдвигов и имеет разветвленные корни в обществе. Между ними и старыми элитами, унаследованными от прежнего режима, с самого начала возник разрыв. Эта ситуация благоприятствует курсу на модернизацию элиты по нескольким причинам. Новое политическое руководство свободно от каких-либо обязательств в отношении к старым элитам. И "снизу", т.е. в обществе, сформирован запрос на "обновление элиты" [5].

Хотя преобладающим типом регионального лидера остается постсоветский управленец из числа "крепких хозяйственников", в последние годы происходит ротация: новые региональные лидеры рекрутируются из рядов большого бизнеса (Р. Абрамович - Чукотка, А. Хлопонин - Красноярск). В результате политическая элита нескольких регионов стала более современной, но оказалась в опасной близости от материнских бизнесструктур, из которых была рекрутирова-

на (Сибнефть, Интеррос, ЮКОС). Но нынешняя "корпорация-регион" не так замкнута, как прежние "региональные вотчины" и более интегрирована в формирующийся политический режим.

В рамках этой же тенденции укладывается осуществленная в 2001 г. реорганизация верхней палаты Федерального Собрания - Совета Федерации. Количество членов этой палаты - выдвиженцев от различных ФПГ существенно превышает 50%. Тот факт, что их делегирование в Совет Федерации производится от имени высших органов законодательной и исполнительной власти каждого из субъектов РФ, свидетельствует если не о сращивании бизнеса с властью на региональном уровне, то о массовом стремлении глав администраций и законодателей использовать лоббистский потенциал предпринимателей в интересах социально-экономического развития своих регионов.

О роли большого бизнеса в российской политике откровенной прочих олигархов обычно говорил Б. Березовский. В связи с привлечением прокуратурой к уголовной ответственности руководителей нефтяной монополии ЮКОС он заявил в июле 2003 г. в интервью газете "Коммерсантъ", что "бизнес должен открыто претендовать на власть, не стесняться", участвовать в выборах всех уровней, "и в думских, и в местных, и в региональных, и в президентских. Бизнес должен выдвинуть своего кандидата в президенты. И, конечно, это не Путин. Второе: рассчитывать только на себя, за граница нам не поможет. Абсолютная глупость. Я уже говорил об этом. Третье: объединить усилия капитала в борьбе за власть. И четвертое: изменить приоритеты, пытаться добиться поддержки народа в России, а уже потом на Западе" [6].

Важным фактором, обеспечивающим крупному бизнесу влияние на политический процесс, является воздействие, которое он оказывает на деятельность политических и общественных объединений, в первую очередь, партий. С введением в действие Федерального закона РФ "О политических партиях", придавшего институту партий и многопартийности федеральный статус, политическая активность предпринимательских кругов все более четко фокусируется на предвыборной борьбе. Так, учредителями созданного весной 2002 г. Российского аграрного движения, тесно взаимодействующего с партией "Единство и Отечество" ("Единая Россия"), наряду с губернаторами ведущих сельскохозяйственных регионов, выступил ряд аграрных холдинговых структур, банков и отраслевых союзов. В 2003 г. в связи с кампанией по выборам в Государственную Думу отмечена особая активность таких ФПГ, как нефтяные компании ЮКОС, ЛУКОЙЛ и "Сибнефть", а также банковские структуры - МПБ, Национальный резервный банк и др. Включены в предвыборный процесс и компании с высокой долей государственного участия. Российское акционерное общество энергетики и электрификации "Единые энергетические системы России", например, оказывало поддержку партии "Союз правых сил" (СПС), а Открытое акционерное общество газовой промышленности и нефтяная компания "Роснефть" выступали спонсорами вновь созданной Российской партии жизни (РПЖ). Крупный бизнес не обошел своим вниманием и оппозицию. Известны тесные связи Коммунистической партии Российской Федерации с группой Агропромстройбанка, руководство которой в лице В. Видьманова входит в Центральный комитет (ЦК) этой партии. Широкий резонанс приобрели политические события осени - зимы 2002-2003 гг., связанные с возможным участием в финансировании избирательной кампании КПрФ Б. Березовского.

В целом же, однако, большинство бизнесменов, как правило, диверсифицируют политические риски, связанные с финансированием предвыборной борьбы. Так, М. Ходорковский (ЮКОС) неоднократно открыто признавал, что сам он из личных средств поддерживал СПС и партию "Яблоко", а некоторые из представителей его компании выступали спонсорами ведущей оппозиционной партии - КПрФ. Из ряда источников известно также, что ЮКОС и другие структуры, контролируемые Ходорковским, оказывали поддержку пропрезидентским структурам - партии "Единая Россия" и РПЖ. Глава группы "Интеррос" В. Потанин, известный своей близостью к входящему в руководство СПС А. Чубайсу, тем не менее, по имеющимся сведениям, финансировал КПрФ [7].

Зачем это нужно корпорациям? Дело в том, что они заинтересованы не только в подчинении своим финансовым и прочим интересам исполнительной власти, но и представительных институтов, от которых при всей их слабости зависит конституционное обеспечение деятельности экономических и политических субъектов общественной жизни в России.

Как известно, Государственная Дума уже давно стала полем, где отраслевой и корпоративный капитал ведет активную лоббистскую деятельность. Правда, в отличие от органов исполнительной власти, здесь наблюдается отчетливая тенденция к непосредственному представительству интересов отдельных корпораций. Влияние финансово-промышленных структур проявляется в таком явлении, как вторичная структуризация Государственной Думы, осуществляемая путем создания лоббистских групп из депутатов, проведенных по спискам различных партий,

а также по одномандатным округам. Как правило, вторичная структура нижней палаты проявляет себя в "теневом" режиме, во время голосования по соответствующим законопроектам, важным для тех или иных ФПГ или крупного бизнеса в целом. Растет и прямое участие крупнейших корпораций и в самом процессе думских выборов, где они выступают в роли своеобразных электоральных машин. Результатом такого рода активности стало, в частности, создание в прошлой Государственной Думе межфракционной группы "Энергия" насчитывающей более 70 членов и объединившей в своих рядах лоббистов топливно-энергетического комплекса из ряда партийных фракций и депутатских групп. По мнению известного идеолога либеральных реформ Е. Ясина, "политическое представительство в лице партий", а также "поддержка организаций и институтов гражданского общества" представляют собой "инструменты", при помощи которых предприниматели решают главную задачу - "уравновешивают бюрократию и подпадающую под ее влияние власть". Он убежден в том, что и партии "правительственного большинства", и партии оппозиции в равной мере могут отстаивать "общие интересы бизнеса и свободного развития страны" [8]. Руководитель Пенсионного фонда РФ А. Зурабов, ранее председатель правления банка "Менатеп", называл участие в политической жизни необходимым условием "нормального ведения бизнеса" [9].

Иной точки зрения придерживаются аналитики Центра политической конъюнктуры, отмечая, что российский крупный бизнес все более опасается последствий глобализации, и это толкает его к поддержке радикальных партий и движений, ориентированных на дестабилизацию обстановки. А сотрудник Центра новой социологии и изучения практической политики А. Тарасов обращает внимание на усилившуюся конкуренцию российских бизнесменов с выходцами из стран ближнего зарубежья, что приводит к усилению в их среде националистических настроений, создавая тем самым предпосылки для формирования экстремистской партии с идеологией так называемых "новых правых", сочетающей православие с национализмом [10]. Что отчасти подтвердилось в избирательной кампании 2003 г.

Во всяком случае в ходе послеельцинских преобразований политическая система существенно изменилась: возникла новая иерархия политических акторов, появились новые звенья. Родилось и новое качество политической системы, выражающееся в маргинализации бывших конфликтов во властных структурах, сокращении публичной составляющей политического процесса и расширении круга участников подготовки ключевых решений за счет включения в их число политической оппозиции.

С приходом к руководству В. Путина был провозглашен курс на "равное удаление" крупных предпринимателей от власти. Последние ощутили шаткость своего положения, основанного на сугубо "теневых" формах политической деятельности. В настоящее время ФПГ активно диверсифицируют методы и инструменты своего влияния на власть, пытаются добиться оптимального сочетания "теневых" форм политического участия с публичными. Каким образом? Например, создаются объединения, которые А. Мухин именуется "легальными лоббистскими структурами" [11], начало которым было положено еще в 1992 г. альянсами вроде "Политической предпринимательской инициативы". В прошлом они, как правило, создавались для решения весьма ограниченного круга конкретных задач. Наибольшую известность приобрела организация "Круглый стол бизнеса России", возглавлявшаяся одним из первых крупных российских предпринимателей И. Кивелиди. Затем упор был сделан на отраслевом и корпоративном принципах организации. Примером наиболее влиятельных структур подобного типа является образованный в 1995 г. Союз нефтегазопромышленников России, который, как и другие объединения подобного рода, существенного влияния на власть и политику в целом оказать не смог. Единственным исключением стала Федерация товаропроизводителей России, которую в 1995 г. возглавил уволенный из Совета безопасности РФ Ю. Скоков. ФТР стала одним из учредителей избирательного блока Конгресс русских общин (КРО), едва не преодолевшего пятипроцентный барьер на парламентских выборах 1995 г. Сегодня более или менее существенное влияние на политическую жизнь оказывают два объединения, в которых представлены практически все ведущие предприниматели: Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) во главе с А. Вольским и Торгово-промышленная палата, президентом которой является Е. Примаков.

Показательно, что обе организации существовали задолго до того, как их возглавили нынешние руководители, а их возвышение было непосредственно связано с приходом к государственному руководству В. Путина и его курсом на "равное удаление" бизнеса от власти. Обе организации являются инструментом постоянно действующего диалога власти с бизнесом, в ходе которого обсуждаются наиболее сложные вопросы социально-экономического и политического характера.

Непременное условие реализации принципа "равноудаленности" - обретение государством в лице его полномочных представителей функций арбитра, т.е. способности встать над конкурирующими группами интересов и во взаимодействии с ними достигать компромисса, приемлемого как для общества, так и для самих этих групп. Позиция формальной равноудаленности от основных политических сил наделяет Кремль возможностями для широкого маневра. По мнению А.Ю. Зудина, равноудаленность от основных политических игроков «служит важнейшим условием сохранения "социального контракта" с обществом, наделяет Кремль широкой автономией и свободой политического маневра», хотя распространение институциональных преобразований практически на все отряды элиты увеличивает опасность его политической изоляции [5, с. 79].

За десятилетия правления коммунистов дореволюционная элита была уничтожена. Попытки реставрации "дворянских", "купеческих" и прочих собраний убедительно свидетельствуют о том, что действенная, а не мифическая преемственность прежних классов и сословий нарушена. Видимо, процесс образования новых элит в России, который начался после развала прежней номенклатурной структуры, будет длительным и болезненным. Конечно, в российском обществе существуют влиятельные группы, которые играют значительную роль в политическом процессе и формировании общественного мнения. Но у большинства из них пока отсутствуют важнейшие признаки элитарности.

Во-первых, эти группы, возникнув подчас случайно, еще не выработали устойчивые механизмы селекции, модели поведения и ценностные нормы. Не должна вводить в заблуждение относительная стабильность некоторых групп влияния, включая ФПГ, в течение последних десяти лет. Такая ситуативная стабильность - не столько следствие действительного формирования элит как таковых, сколько результат сплоченности команд в процессе передела власти и собственности.

Во-вторых, они не являются для основной части общества носителями образцов ценностей и модели поведения. На массовом уровне эти группы вызывают скорее примитивно-завистливое или пренебрежительное отношение, чем подражательное или конструктивное. Данные практически всех социологических опросов фиксируют дефицит бесспорных лидеров и даже потенциальных кандидатов на высшие государственные посты, приемлемых для большинства населения.

Данные группы влияния явно не соответствуют классическому определению, согласно которому элита состоит из лучших представителей всех сфер деятельности общества. В действительности они - скорее протоэлитные группы, которым еще предстоит подняться до уровня элит западного типа.

Доверие населения к элитным группам постоянно падает и в настоящее время почти достигло критической точки. Исполнительная власть никогда не пользовалась особым доверием в российском общественном мнении. Что же касается власти представительной, то симпатии к ней в 1989-1990 гг. сменились отчуждением к концу 90-х годов, а теперь зачастую и активным неприятием, о чем свидетельствуют масштабы "протестного электората" в выборах 2003 г. в РФ. Негативный стереотип закрепляется в массовом сознании благодаря вполне оправданным обвинениям в коррумпированности.

Сегодня на смену разногласиям между номенклатурой и "демократами", имевшему место до августа 1991 г., приходят разногласия между миром бизнеса и новыми политиками. В последних бизнесменов отталкивают непредсказуемость, низкий профессионализм, популизм, склонность к демагогии. Определенную роль играет и дискредитация нового политического слоя, связанная с коррупцией. Диалогу между представителями этих элитных групп препятствует также распространенный негативный имидж олигархов. Радикальные призывы к перераспределению собственности, с которыми выступают некоторые политические лидеры, еще больше усугубляют конфликт. Тем не менее, как показывают события последних лет, тенденции к сращиванию бюрократических и коммерческих элитных структур в целом преобладают над их противоречиями.

Формирование постсоветских общественных институтов, которые были во многом импортированы извне, из либеральных западных демократий, стало главным результатом завершившегося в конце 90-х годов переходного периода от советской системы к демократии и рыночной экономике. Социальное пространство в котором функционируют партийные и избирательные системы, властные структуры, ФПГ и прочие компоненты российского общества, радикально изменилось. Стал принципиально иным социально-психологический климат в стране. К управлению государством стремятся люди, для которых власть - это, прежде всего, возможность доступа к ресурсам, а ресурсы - это власть. Коммунистическую идею заменила идеология успеха, которая, по словам А.С. Панарина, «явилась в своей декадентско-нигилистической версии успеха любой ценой, помимо труда и усердия. Так возникла формация "новых русских", давших

контрпродуктивную интерпретацию рыночной экономики как экономики перепродаж и спекуляции» [12].

Отношения делячества расшатывают государственную конструкцию, влияя на все ее составляющие. Даже рассмотрение общегосударственных вопросов в парламенте имеет его привкус. «...Сама процедура прохождения, а вернее "продавливания" бюджета в Государственной Думе, - говорил президент, - напоминает скорее торг, в котором, увы, участвует и Правительство, и депутаты» [13].

Это мнение разделяет большинство российских граждан, считающих согласно опросам, что в стране существует опасность установления бюрократического коррумпированного режима, далекого от демократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: *Перегудов С.П.* Крупная российская корпорация как социально-политический институт. М., 2000.
2. *Паппэ Я.Ш.* Олигархи. Экономическая хроника 1992-2000 годов. М., 2000. С. 19.
3. Советник президента. 2002. № 5. С. 8-9.
4. См.: *Кондрачук В.В.* Финансово-промышленные группы: бизнес и политика. М., 2002.
5. *Зудин А.Ю.* Режим В. Путина: контуры новой политической системы // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 76.
6. *Коммерсантъ*. 2003. 9 июля.
7. См.: *Смысл*. 2003. № 8. С. 8-9.
8. См.: *Ясин Е.Г.* Социальная сила бизнеса // *Ведомости*. 2002. 4 апреля.
9. Цит. по: *Черников Г.П., Черникова Д.А.* Кто владеет Россией? М., 1998. С. 94.
10. *Время-МН*. 2003. 21 апреля.
11. *Мухин А.А.* Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В.В. Путина. М., 2002. С. 155-170.
12. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 164.
13. *Российская газета*. 2001. 4 апреля.